

**ОРИЕНТАЛЬНЫЙ СЮЖЕТ «СОЛОВЕЙ И РОЗА»
В ЛИРИКЕ К.М. ФОФАНОВА: ТРАДИЦИИ И НОВАТОРСТВО**

Дьяченко Татьяна Анатольевна, преподаватель, Астраханская государственная консерватория, 414000, Россия, г. Астрахань, ул. Советская, 23; аспирант, Астраханский государственный университет, 414056, Россия, ул. Татищева, 20а, e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

Данная статья посвящена ориентальному сюжету «Соловей и Роза» в лирике К.М. Фофанова. В статье описываются мотивы поэзии Востока в работах поэта XIX столетия как в традиционной, так и в новаторской формах. Большое внимание уделяется стилю поэзии на лексическом уровне (использование идентичных фигур речи, например, анафоры), а также на уровне образов.

Ключевые слова: ориентальный сюжет, восточные мотивы, образ, соловей и роза

**THE ORIENTAL PLOT OF «THE NIGHTINGALE AND THE ROSE»
IN THE POETRY OF K.M. FOFANOV: TRADITIONS AND INNOVATIONS**

Dyachenko Tatyana A., Teacher, Astrakhan State Conservatory, 414000, Russia, Astrakhan, 23, Sovetskaya st.; Postgraduate Student, Astrakhan State University, 414056, Russia, Astrakhan, 20a Tatishchev st., e-mail: dyachenko_tatiana@mail.ru.

This article is devoted to the oriental plot of "The Nightingale and the Rose" in the works of K.M. Fofanov. The article describes the motives of the poetry of the Orient in the works of 19th century poet in traditional and innovative forms. Much attention is given to a pastiche of the poetry on the linguistic level (using identical devices, e.g. anaphora) and also on the image level.

Keywords: oriental plot, oriental motives, image, the nightingale and the rose

На протяжении всего XIX столетия интерес русского поэтического искусства к восточному мотиву о соловье и розе не ослабевает. Поэты Золотого века связывают образы данного интересюжета с темой поэта и поэзии. Например, А.С. Пушкин в стихотворении «Соловей и роза» (1827 г.) рассуждает над истинным предназначением поэта, касается главных проблем, связанных с творчеством:

В безмолвии садов, весной, во мгле ночей,
Поет над розою восточный соловей.
Но роза милая не чувствует, не внемлет,
И под влюбленный гимн колеблется и дремлет.
Не так ли ты поешь для хладной красоты?
Опомнись, о поэт, к чему стремишься ты?
Она не слушает, не чувствует поэта;
Глядишь, она цветет; взываешь – нет ответа.

Другие поэты рисуют образы ориентального сюжета в единстве с изображением любовного чувства. Так, Н.П. Огарев в 1855 г. создает произведение «Первая любовь», в котором соловей и роза выступают в качестве традиционных составляющих романтической обстановки свидания:

В вечернем сумраке долина
Синела тихо за ручьем,
И запах розы и ясмينا
Благоухал в саду твоём;
В кустах прибережных влюбленно
Перекликались соловьи.
Я близ тебя стоял смущенный,
Томимый трепетом любви. <...>
(«Первая любовь»)

Эпитет «запах розы и ясмина» и плеоназм «запах благоухал» усиливают восприятие визуальных ориентальных образов (цветущий сад, влюбленный соловей и т.д.). Мотивы любовного томления, трепетного чувства позволяют провести параллель между произведением Н.П. Огарева и поэзией Востока. Используемый фитонимический образ жасмина («ясмина») является один из центральных составляющих любовной атмосферы в персидской поэзии:

Я всегда хочу дышать амброю твоих кудрей.
Нежных губ твоих жасмин дай поцеловать скорей!
Всем песчинкам поклонюсь, по которым ты прошла,
Бью почтительно челом пыли под ногой твоей.
(Рудаки)

Красой затмила ты Китая дочерей,
Жасмина нежного твое лицо нежней;
Вчера взглянула ты на шаха Вавилона
И все взяла: ферзя, лады, слонов, коней.
(О. Хайям)

Ясмин ассоциируется именно с женским началом, свидетельство тому – популярное на Востоке имя.

В 1880–90-х гг. мотив интерсюжета используется русскими поэтами в стиле прециозной поэзии. А.Н. Апухтин в произведении «Летней розе», уподобляясь восточным стихотворцам, изображает царицу цветов и ее любовника-соловья:

Что так долго и жестоко
Не цвела ты, дочь Востока,
Гостя нашей стороны?
Пронеслись они, блистая,
Золотые ночи мая,
Золотые дни весны.

Знаешь, тут под тенью сонной
Ждал кого-то и, влюбленный,
Пел немолчно соловей;
Пел так тихо и так нежно,
Так глубоко безнадежно
Об изменнице своей! <...>

Как и в образцах классической персидской поэзии, в стихотворении А.Н. Апухтина Соловей страдает от безответной любви к Розе:

Внимала роза соловью вчера в моем саду,
Всю ночь среди ветвей звучал его печальный стон:

«О сердце бедное, терпи! Всесильный друг суров:
К твоим поступкам и словам неблагоклонен он».
(отрывок из газели Хафиза)

Сближение с персидской поэзией также прослеживается на стилистическом уровне, а именно в использовании повторов, в частности, анафоры: «**Золотые** ночи мая / **Золотые** дни весны. <...> **Пел** немолчно соловей; / **Пел** так тихо и так нежно». Сравним с оригинальными поэтическими текстами:

بنگر ز صبا دامن گل چاک شده
بلبل ز جمال گل طربناک شده
در سایه گل نشین که بسیار این گل
در خاک فرو ریزد و ما خاک شده
(рубай О. Хайяма)

Посмотри: от ветерка распустились
розы,
Соловей от их красоты жизнерадост-
ным стал.
В тени розовой не садись: множество
лепестков
В земле оказалось, и мы станем этой
землей.
(подстрочный перевод с фарси мой –
Т.Д.)

Вновь распускаются розы под утрен-
ним ветерком,
И соловьиной песней все огласилось
кругом.
Сядем под розовой сенью! Будут, как
нынче, над нами
Их лепестки осыпаться, когда мы в
могилу сойдем.
(перевод В. Державина)

دمی چند گفتم بر آرم بکا
دریغا که بر جوان آوان عمر
دریغا که بگرفت راه نفس
دمی خورده بودیم، گفتند: بس
(Саади, «Гулистан», глава VI,
«О старости и слабости», рассказ 1)

Мгновение хотел еще подышать,
Как жаль, перехвачен путь дыхания,
Как жаль, за пестрым жизни столом
Мгновение мы ели, но нам сказали
«хватит».
(подстрочный перевод с фарси мой –
Т.Д.)

Я думал подышать хотя б одно мгно-
вение –
Увы! Преграждена дыхания стезя!
На жизненном пиру хотел вкусить я
пищи –
Едва я съел кусок, мне говорят:
«Нельзя!»
(перевод Е.Э. Бертельса)

В творчестве К.М. Фофанова образ соловья также используется как не-
отъемлемый атрибут любовного свидания:

Как распелися сегодня
Соловьи в кустах!
Как рассеяна улыбка
На твоих устах!

В сизой дымке улетаю
Гаснет алый день,
И плывет душистой ночи
Золотая тень.

Как неясны очертанья
Трепетных вершин!
Как тягуч и ароматен
Теплый пар долин!

И в душе моей так смутно, –
И в душе моей
Сумрак ночи повстречался
С отблеском лучей!

Образ соловья выступает в связи с синестетическими эпитетами «тягу-
чий и ароматный пар», «душистая ночь», что создает «соощущение» лю-
бовной неги.

Интересен фонетический рисунок произведения. Первая строфа харак-
теризуется повтором глухого свистящего [с], который в противоположность
описываемой картины романтического свидания, сопровождаемого соловьи-
ными песнями, создает тревожное ощущение тишины, неясности в любовных
отношениях («Как распелися сегодня / Соловьи в кустах! / Как рассеяна
улыбка / На твоих устах!»).

Вторая строфа инструментирована на сонорные [р], [н] («Как неясны
очертанья / Трепетных вершин! / Как тягуч и ароматен / Теплый пар до-
лин!», третья – на сонорные [л], [н] («В сизой дымке улетаю / Гаснет алый
день, / И плывет душистой ночи / Золотая тень»). В данном случае прием
аллитерации позволяет придать более бодрый, мажорный тон произведению.
Предчувствие любовной трагедии утрачивается также благодаря «красоч-
ным» эпитетам «сизая дымка», «алый день», «золотая тень».

Четвертая строфа вновь содержит повтор свистящего [с], шипящих [ш],
[ч], с помощью которого передается тишина, шепот, интимность свидания («И

в душе моей так смутно, – / И в душе моей / Сумрак ночи повстречался / С отблеском лучей). Образ встречи «сумрака ночи» с «отблеском лучей» – символ надежды на взаимность чувства.

В поэзии К.М. Фофанова образы восточного сюжета о Соловье и Розе трансформируются. Примером служит стихотворение «Страстно звездочка немая...»:

Страстно звездочка немая
В розу алую влюбилась
И, во тьме ночной сверкая,
В лепестки ее скатилась.
Роза веет ароматом,
Сладострастием трепещет,
А на венчике измятом
Звездный луч игриво блещет.
Роза с звездочкой алмазной
В томной неге наклонялась
И сияла в луже грязной,
Что под ними разливалась.

В произведении наблюдается замещение компонента в традиционной паре Роза-Соловей образом Звезды («звездочка немая»), имеющим одинаковую важность в различных культурах (например, в христианской символике: в иконографии изображения звезд указывает на небесное событие; Богородица изображается окруженной святым сиянием в виде звездной короны; многочисленность звезд считается символом потомства Авраама [1]).

В персидской поэзии этот образ:

1) тоже часто связан с описанием любовного чувства:

От любви к тебе пылает и становится звездой
Каждый вздох, что достигает многозвездной вышины.

Проповедник постыдился, увидав твои уста,
Восхвалять вино и розы райской радостной страны.
(отрывок из газели Абдуррахмана Джамии)

2) является символом рока. Примером служит отрывок из классической персидской газели Хафиза:

Из-за жестокости любимой у слез горючих – цвет зари:
Звездой судьбы неумолимой меж нас резня учинена.

Во мраке молния сверкнула из полога шатра Лейли –
Сожженная душа Маджнуна теперь навек омрачена. <...>
(перевод А.А. Фета)

3) ассоциируется с прекрасной девой, возлюбленной лирического героя:

Вчера, когда в земном раю рассветный ветерок
По воле страсти разметал венки ее кудрей,

Я прорицателя спросил: «Что звезды говорят?»
А он в ответ: «Увы! Померк огонь **звезды твоей!**» <...>
(отрывок из газели Хафиза)

Похожее наблюдаем в произведении К.М. Фофанова «Ты помнишь ли, подруга юных дней»:

Ты помнишь ли, подруга юных дней,
Ты, черных дней **звезда любви прекрасной**,
Свиданий час – не пел нам **сладкогласный**,
Не пел **влюбленный соловей**.

Встречались с тобой мы в улицах туманных,
Осенним днем иль утром золотым,
Когда над городом из очертаний странных
Ткал город облачный, бегущий к небу дым. <...>

Не проклинали мы волнующийся город:
Моложе ты была, и твой поэт был молод,
От жизни малое просили мы тогда,
И жизни впереди казалось так много. <...>

«*Звезда любви прекрасной*» – описательное обозначение любимой подруги. Ориентальный образ сладкогласного соловья, который в «свиданий час не пел», изображаемый автором в урбанистических картинах, говорит о заведомо несчастном любовном чувстве лирического героя – поэта.

Помимо восточных мотивов, в произведении обнаруживаются другие, характерные для поэзии Фофанова, черты. Например, метафора «*подруга юных дней*» указывает на ее ретроспективность (у М.Ю. Лермонтова в стихотворении «Нет, не тебя так пылко я люблю»: «...*Но не с тобой я сердцем говорю. / Я говорю с подругой юных дней...*»; у В.А. Жуковского в повести «Двенадцать спящих дев»: «*Опять ты здесь, мой благодатный Гений, / Воздушная подруга юных дней...*» и т.д.); глагольные формы на -ся (*встречались, казалось*) выдают сословный статус автора. В письме к А.В. Жиркевичу К.М. Фофанов пишет о себе: «Я мещанин, "просто русский мещанин", сын купца, и притом без денег – и притом мыслящий стихами, следовательно, никуда не годный» [2, с. 8].

Возвращаясь к стихотворению «*Страстно звездочка немая...*», отметим, что мотивы сладострастия, томной неги отсылают его к поэзии Востока. Кроме того, наблюдается диссонанс начала и конца стихотворения: привлекательная картина страстной любви звездочки и алой розы в первых двух строфах неожиданно сменяется отражением влюбленной пары «...в луже грязной, / Что под ними разливалась». Подобное можно трактовать как изображение поэтом дисгармонии при столкновении мечты, мира высокой поэзии с прозаической действительностью.

В произведении «В селении» (цикл «Балтийские ночи») К.М. Фофанов изображает влюбленного в звезды соловья:

Уже закрыты лавочки,
На небе **серп луны**.
Ночные реют бабочки,
Как **сказочные сны**.

Всё небо точно кознями
И тайнами полно,
Но **звездочками** поздними
Не искрится оно.

Повеяло прохладю,
Дорога не пылит.
Хрустальной лампадою
Ночь майская сквозит.

И не о них ли пламенно
Один в тоске своей
Там, за стеною каменной,
Рыдает соловей?

В поэтической традиции Востока соловей, влюблённый в розу – это суфий, взывающий Бога. Отсюда становится понятным, почему именно соловей страдает от неразделенной любви. Фофанов вновь заменяет один из характерных компонентов этой пары на образ звезды («*Всё небо точно кознями / И тайнами полно, / Но звездочками поздними / Не искрится оно*»), однако подобная

замена не лишает понимания образа соловья как суфия (философа), стремящегося к познанию божественной истины и страдающего без нее.

Стихотворение «В селении», как и вышерассмотренное «Страстно звездочка немая...», отмечено использованием принципа двоимирия – одного из основополагающих в романтизме.

Неоромантик К.М. Фофанов показывает двойственность существования: трагический разлад между миром мечты, иллюстрируемым эпитетами «ночные бабочки», «сказочные сны», «хрустальная лампада», «поздние звездочки», и миром действительным, границей которого является «каменная стена».

Образ рыдающего соловья обнаруживает ассоциативную параллель с человеком, поскольку плач – одна из психофизиологических реакций, присущих только ему. Используемый К.М. Фофановым экспрессивно окрашенный глагол *рыдать* ещё раз подчёркивает повышенную «литературность», «ретроспективность» его поэзии. Романтический герой (соловей) одинок, страдает от разлада между идеалом и жизнью: «И не о них ли пламенно / Один в тоске своей / Там, за стеною каменной, / Рыдает соловей?». Таким образом, изображаемое в произведении двоимирие лежит в основе мотива одиночества, изгнанничества.

Итак, ориентальный сюжет «Соловей и Роза» находит отражение в лирике К.М. Фофанова как в традиционной, так и в новаторской форме.

Подобно образцам классической персидской поэзии, а также произведениям русских поэтов Золотого века, К.М. Фофанов использует образы интереса в качестве неотъемлемых составляющих обстановки романтического свидания («Как распелися сегодня»). Однако в большинстве стихотворений («Страстно звездочка немая», «Ты помнишь ли, подруга юных дней», «В селении» и др.) ориентальные образы трансформируются: в традиционной паре Соловей-Роза наблюдается замещение одного из компонентов.

Список литературы

1. Звезды как символы. – Режим доступа: <http://www.kiberstar.ru/stars/stars-simvols.htm>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус.
2. Сапожков С. В. Творческий путь Константина Фофанова: между классикой и модернизмом / С. В. Сапожков // Константин Фофанов. Стихотворения и поэмы. – СПб. : Пушкинский дом, 2010. – С. 8.
3. Смирнов А. В. Великий шейх суфизма (опыт парадигмального анализа философии Ибн Араби) / А. В. Смирнов. – М. : Наука (издательская фирма «Восточная литература»), 1993. – 327 с.
4. Смирнов А. В. Логика смысла. Теория и ее приложение к анализу классической арабской философии и культуры / А. В. Смирнов. – М. : Языки славянской культуры, 2001. – 504 с.

References

1. *Zvezdy kak simvolj* [The stars as symbols]. Available at: <http://www.kiberstar.ru/stars/stars-simvols.htm>.
2. Sapozhkov S. V. *Tvorcheskij put' Konstantina Fofanova: mezhdju klassikoj i modernizmom* [The career of Konstantin Fofanov: between classicism and modernism]. *Konstantin Fofanov. Stihotvorenija i pojemy* [Konstantin Fofanov. Verses and poems]. St. Petersburg, Pushkinskij dom publ., 2010, p. 8.
3. Smirnov A. V. *Velikij shejh sufizma (opyt paradigmal'nogo analiza filosofii Ibn Arabi)* [The great Shaykh of Sufism (the experience of paradigmatic analysis of the philosophy of Ibn Arabi)]. Moscow, Nauka publ., (izdatel'skaja firma «Vostochnaja literatura» [publishing firm “East literature”]), 1993, 327 p.
4. Smirnov A. V. *Logika smysla. Teorija i ee prilozhenie k analizu klassicheskoj arabskoj filosofii i kul'tury* [The logic of sense. Theory and its application to the analysis of classical Arabic philosophy and culture]. Moscow, Jazyki slavyanskij kul'tury publ., 2001, 504 p.